

скими выступлениями должны были обнаружить солидарность эворской знати скорее с мадридским двором, чем с согражданами. В то же время подвластность Испании, унижая национальное чувство, заставляла вслушиваться в доносившийся из глубин народных масс ропот недовольства, рождая тайные мысли о возможной независимости страны. К тому же эворское дворянство и не могло занять жесткую позицию и подавить восстание, ибо войск в городе не было. Инициатива в момент начала восстания была упущена, контроль над городом утрачен. Осложнялось положение знати в Эворе и выжидательной политикой Лиссабона.

Дело в том, что в серьезности эворских событий долгое время не отдавали отчета ни в Мадриде, ни в Лиссабоне. Ф. Мануэл де Мелу, дворянин, одно время служивший при испанском дворе, оставил нам воспоминания о событиях тех дней. Он пишет, что в Лиссабоне об эворском восстании возобладало неверное суждение, и от имени наместницы было лишь приказано «наказать виновных, как будто речь шла об ординарном преступлении, которое можно пресечь в обычном порядке»¹³. Не осознавая сложности обстановки, а может быть, и не желая вмешательства испанцев, наместница Маргариды сообщала в Мадрид о происходящем в самой общей форме. В конце сентября в Эворе сменили чиновников. Некоторое время спустя туда были посланы влиятельные представители духовенства, чтобы проповедью и личным присутствием успокоить народ. Однако ни один из них не достиг сколько-нибудь заметного успеха, а новый коррежедор даже настаивал, чтобы «поспешить со средствами большей силы»¹⁴.

Ни одному из эmissаров Лиссабона не удалось добиться желаемого. В связи с этим становится понятным, почему жунта при всем ее фактическом бессилии в Эворе сумела стать в глазах Мадрида силой, способной влиять на ход событий: как орган представителей феодальных кругов она продолжала существовать в восставшем городе, демонстрируя в то же время свою полную лояльность по отношению к короне. Минуя наместницу Маргариду, жунта непосредственно информировала испанского короля о том, что делалось в городе, видимо, явно преувеличивая свои заслуги и роль в событиях.

Мадрид поначалу тоже выжидал. Но время шло. Два месяца терпения и уговоров не только ничего не дали, но и позволили движению охватить весь юг и центр Португальского королевства. Более того, восставшие, видимо, пытались связаться и с севером страны — с Порту. Окон-